

СТАРИННАЯ РУССКАЯ ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

В разработке истории русского языка эпохи великорусской народности и начальной поры национального развития традиционным было недостаточное внимание к языковой культуре деловой письменности, в особенности поздней обиходной. А если говорить о литературном языке, то его изучение вообще обходилось без привлечения этой письменности. Господствовало мнение, что язык последней лежит вне пределов литературного, поскольку она утилитарна и не является средством художественного выражения. Такая трактовка деловой письменности той исторической поры предопределялась рядом обстоятельств. Во-первых, древний литературный язык всего восточного славянства усматривали только в церковнославянском, который в восточнославянской среде развился из старославянского, воспринятого от болгар вместе с христианством; возможность возникновения у восточных славян в древнерусскую эпоху своего литературного языка или его элементов, в сущности, отрицалась. Во-вторых, произведения деловой письменности, хотя и изложенные отличным от церковнославянского языком, в основной массе своей как более поздние, нежели древние церковнославянские, считались не столь существенными для познания истории русского языка, как более древние рукописные тексты, в том числе и церковнославянские. В-третьих, письменность делового содержания воспринималась русистами недифференцированно, можно сказать, в обедненном виде, как нечто сравнительно однообразное. Заметим еще: лингвистическое изучение уставных и полууставных древнерусских рукописей, а также их издание имело в отечественной филологии глубокие традиции, а изучение текстов делового содержания, притом написанных более трудной для прочтения скорописью, не получило должного развития, почему и лингвистических изданий скорописных текстов не было.

Первые издания подобного рода поступили в распоряжение русистов в начале 60-х годов, когда в Институте русского языка АН СССР развернулась эдизионная деятельность Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка. Исследование и издание скорописных материалов XV—XVIII вв., осуществляемое нами и сотрудниками сектора в последние два десятилетия, создало такие концептуальные и источниковые условия, которые позволяют пересмотреть традиционную оценку деловой письменности с точки зрения ее отношения к литературному языку. Предпосылкой такого пересмотра явилось впервые проводимое изучение особенно свободных от старинной узальной орфографии рукописей южновеликорусского происхождения¹.

¹ Издания и исследования этих рукописей: *Котков С.И.* К изучению орловских говоров // Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та, т. VII, Кафедра рус. яз., вып. 3, 1952; *Он же.* Конструкция типа "земля пахать" в истории южновеликорусских гово-

Рассеянные в этих рукописях названия писцов по месту жительства (болховитин, воронежец, курченин и т. п.) и, главное, проявления в их письме свойственной им диалектной речи убедительно свидетельствуют о том, что, за самыми редкими исключениями, многочисленные периферийные писцы принадлежали к местным уроженцам. Можно думать, местные уроженцы, за вычетом единичных случаев, составляли писцовый контингент и в других областях России (не считая, разве, лишь Сибири) и в ее столичном центре. Отсюда следует: далеко не все в письменности делового содержания, особенно периферийной, было просто "канцелярским", как полагали некоторые исследователи.

Второй предпосылкой пересмотра традиционной оценки деловой письменности в ее отношении к литературному языку явилось осуществленное также впервые введение в научный оборот новых видов источников, не известных русистам ранее — грамоток и вестей-куррантов. Прежде публиковали грамотки царей (напр., Михаила Федоровича, Петра Первого), а также придворной знати (князя Н.И. Одоевского, князя П.И. Хованского, его семьи и родственников), переписка широких социальных слоев была представлена в научной литературе лишь единичными грамотками. Теперь в литературу введено обширное собрание грамоток². Кроме сравнительно немногих, они исходят из военнослужилой и торгово-ремесленной среды, а также и из среды простого сельского населения — крестьян, старост и приказчиков, земских или церковных дьячков (так называли в то время писцов) и т.д. Известные прежде исследователям всего лишь по нес-

ров // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1959, Т. XVIII, вып. 1; *Он же*. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962; *Он же*. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963; *Он же*. Отказные книги // ВЯ, 1969, № 1; *Он же*. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970; *Он же*. О памятниках народно-разговорного языка // ВЯ, 1972, № 1; Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1977; *Котков С.И.* Конструкция типа "земля пахать" в свете южновеликорусских данных XVII в. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978; Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край / Изд. подгот. С.И. Котков. И.С. Филиппова; Под ред. С.И. Коткова. М., 1978; *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980; Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982; *Котков С.И., Ларионова А.П.* Материалы Корочанской приказной избы // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982.

² См. издания: *Котков С.И., Панкратова Н.П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964. С. 19—246; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. (Из фонда А.И. Безобразова) / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. М., 1965. С. 9—128; Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Изд. подгот. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968. С. 15—43; Грамотки XVII — начала XVIII века / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; Под ред. С.И. Коткова. М., 1969. С. 10—316; Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / Изд. подгот. С.И. Котков, Л.Ю. Астахина, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова; Под ред. С.И. Коткова. М., 1984. С. 249—288; Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1981. С. 13—91.

кольким листам, опубликованы ныне вести-куранты первой половины XVII в.³ Предшествующие мелкие публикации и грамоток, и вестей-курантов осуществлялись историками и любителями истории. И тех, и других обыкновенно интересовало лишь смысловое содержание текстов, почему в печатных воспроизведениях рукописей допускалось немало упрощений, что существенным образом ограничивало возможность лингвистического исследования указанных категорий источников. Современные издания этих источников свободны от подобных упрощений, являются строго лингвистическими: по ним возможно изучение не только лексического состава и в какой-то мере синтаксиса, чему удовлетворяли прежние издания, но также фонетики и морфологии.

Публикации грамоток и вестей-курантов, подготовленные лингвистами, обогащают представления исследователей о старинной русской деловой письменности, о ее составе и тематике. В ее составе и тематике обнаруживаются значительные различия, органически связанные с тем, что в ней нашли отражение различные сферы русского языка — от народно-разговорной, порой диалектной, до безусловно литературной. По жанровым и стилистическим признакам более или менее отчетливо прослеживается деление данной письменности на актовую (деловые бумаги и законодательные тексты), эпистолярную (грамотки) и хроникальную (вести-куранты, статейные списки, летописные известия и дневники). В ней раскрывается настолько широкое жанровое и стилистическое разнообразие русской языковой культуры и, как следствие этого разнообразия, такие интегрирующие возможности, что объединяющее значение данной письменности в масштабах всего русского языка, а вместе с тем и нормализующее значение в начальный период его преобразования в язык национальный представляется чрезвычайно влиятельным, можно сказать, решающим, особенно если принимать во внимание повсеместное функционирование этой письменности во всех сферах жизни общества, кроме религиозной.

В горниле военных и прочих бедствий, постигавших Русь в течение веков, погибло огромное количество рукописей, но и то рукописное наследие, которое сохранилось до наших дней, поражает воображение. В архивохранилищах отложилась необозримая масса актовой письменности, при помощи которой, как известно, осуществлялось разветвленное государственное управление, на огромной территории хозяйственная и торговая деятельность, оформлялись правовые отношения, выражались общественные воззрения и т. д. Возрастание роли этой письменности в общерусском лингвистическом развитии в начальную пору становления нации было обусловлено процессом,

³ См. издания: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1972; Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1976; Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; Под ред. С.И. Коткова. М., 1980; Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; Под ред. С.И. Коткова. М., 1983.

о котором В.И. Ленин писал следующее: "Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех ... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это ... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок"⁴. О широком применении актов ой письменности во всех сферах общественного бытия свидетельствует, в частности, репертуар образующих ее документов с развитой специализацией их разновидностей, о которой можно судить хотя бы по таким фактам: число разновидностей грамот превышало 150⁵, а разновидностей рукописных книг с записями делового содержания насчитывалось свыше 130⁶. Заметим: в составе рукописных книг упоминаются образцовые⁷. Об этих образцовых книгах и иного рода письменных образцах имеем такие сведения: "Делопроизводственные документы правительственных учреждений составлялись в XVI—XVII вв. по определенной форме: соблюдалась последовательность в расположении материала, употреблялись выработанные практикой формулы, причем формуляр документов в течение XVI—XVII вв. мог и изменяться. В специальных образцовых книгах помещались образцы документов; типы "деловых" бумаг и писем приводились и в азбуках, предназначенных для чтения и переписывания. Этим образцам пытались следовать и в правительственных учреждениях (центральных и местных), и в канцеляриях крупных феодалов (светских и духовных), и "площадные подьячие", писавшие челобитные и другие бумаги"⁸.

О том, что приводимые в образцовых книгах, в азбуках, или азбуках-прописях, а также в составе письмовников типы деловых бумаг и писем служили действительно образцами, говорит употребление в этих текстах вместо наименований конкретных лиц, конкретного времени, и т.п. таких выражений, как "имя рек", "рцы имя того, от кого пишешь", "месяцу имя рек и числу, потом дело пиши" и др.⁹ Иногда общеупотребительные образцы тех или иных деловых бумаг приравнивали к местным условиям, например, указывая в них уезд и другие конкретные приметы места, времени и т.д. Вот подобный образец памяти, при этом вместо выражений "имя рек" и т.п. оснащенный уже новыми "того и того" и т.п.: Память приставу. Дати ему на поруки Вологодцкого уѣзду, | тое и тое волости, того і того боярина, крестьянина | его, того и того именем и чей снь с прозвищем, деревни | тое і тое, Вологодцкаго ж уѣзду, тое і тое волости, | того и того боярина, крестьянина его, деревни | тое і тое,

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. I. С. 153—154.

⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 119—120.

⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 197.

⁷ Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. С. 65.

⁸ Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973, С. 94—95.

⁹ См., напр.: Голубев И.Ф. Два прозаических послания из письмовника XVII в. // ТОДРЛ. XXI. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965. С. 183.

от того и от того іменемъ и чеі сынъ с проз|вищемъ, въ бою і в увѣче, да въ срыве в полудоре денге с полтиною, по челобитноу¹⁰.

В ряде случаев образцы служили не просто ориентирами для составления деловых бумаг, но своего рода инструкциями, особенно в дипломатических сношениях: а о тех задорех за рубеж<...> писать против образцовых грамот, каковы грамоты прислоны в Торопец к воеводам из Посольского приказа (АМГ, 1628, 227); и имъ (воеводам. — С.К.) по тому ж и нне против прежнихъ гсдрвых обрасцовых грама^т <...> писати такъ же какъ в тѣ гсдрства писывали из Астрахани прежние бояре і воеводы наперед сего (Астрах. а. № 1148, сст. 15, 1628).

Каждый вид деловых бумаг составляли по определенным правилам — следовали твердо установленному порядку изложения, пользовались сложившимся именно в данном виде бумаг набором юридических и делопроизводственных формул. С образованием этих формул было связано постепенное сложение в их составе своего рода постоянств — определенных лексических и фразеологических средств, организованных в определенные синтаксические конструкции. А поскольку означенные постоянства в процессе многократного употребления превращались со временем в регулярные, получали общественное признание как правильные, образцовые, они, естественно, входили в ранг не просто нормированных, а литературных. Огромная масса деловых бумаг, составляемых вседневно и повсюду по неукоснительным образцам, превращалась в самостоятельный фактор нормализации, притом не только юридической и делопроизводственной, но и литературной. Так, регламентированное составление массы деловых бумаг буквально во всех концах России существенным образом предопределяло не только узуальное нормирование, но вместе с тем и узуальное кодифицирование их языка в ранге литературного. Разумеется, наиболее сильным было кодифицирующее влияние множества деловых бумаг, исходивших из московских приказов. Так довольно жестко регламентированное, нормированное изложение деловых бумаг в юридически-делопроизводственном плане существенным образом предопределяло узуальное нормирование их языка. По мере формирования в их составе определенных лексико-фразеологических и синтаксических постоянств эти образцовые в юридическом и делопроизводственном отношении тексты приобретали значение образцовых и с точки зрения языка, точнее, его литературной нормы.

Регулярное и активное употребление в письменности средств языка, утверждавшихся в общественном мнении в качестве правильных, образцовых, имело, помимо нормативного, и кодифицирующее значение, хотя и первичное по отношению к кодификации, осуществляемой впоследствии в грамматиках и словарях, но тем не менее вполне определяющее их принадлежность к общепринятым и, более того. — к литературным. Словом, процесс кодификации тех или иных языковых средств в качестве правильных, образцовых, иначе гово-

¹⁰ Маркс Н. Азбука-пропись XVII века. (С Александрией). К Азбуке 1667 года из собрания рукописей Московского Публичного и Румянцевского музея, изданной Московским археологическим институтом. М., 1910. С. 27.

ря, литературных, происходили в письменном обиходе, а грамматики и словари венчали этот узурпаторский процесс, кодифицируя его результаты. Действенная роль внелингвистического, юридически-делопроизводственного фактора особенно заметно обнаруживается и в твердо установленной структуре каждого вида деловых бумаг и вследствие этого в регламентированном следовании и "устройстве" синтаксических конструкций, и в применении определенной терминологии и стандартных фразеологических средств.

В бумагах, исходивших из московских приказов, в общем достаточно стандартно представлены и формы словообразования, а также словоизменения и несколько менее стандартной выглядит фонетика. В бумагах местных приказных учреждений, писанных менее опытными писцами, при соблюдении известной и лексико-фразеологической, и синтаксической стандартизации, нередко, в особенности на Юге, проступает фонетический разнобой. Примеров, с одной стороны, стандарта, с другой, фонетического разнобоя в старинных южно-великорусских текстах можно было бы указать немало, но в этом нет необходимости. Ограничимся некоторыми данными отказных и таможенных книг.

Отказные книги состоят из так называемых отказов — документов, в которых отказывались, иначе говоря, отводились поместья военнотружителям людям. Содержание этих документов, как и иных деловых бумаг, укладывалось в традиционно сложившийся и ставший уже обязательным остоу, который в научном обиходе носит название формуляра. Формуляром определялось и количество и последовательность изложения образующих документ частей. В зависимости от содержания документа, например, в зависимости от того, производился отказ или отдел (раздел) поместья, объем его частей варьировался, но его формулярное построение сохранялось в полной мере.

Формуляр отказных книг выступал примерно в таком виде: (Такого-то лета в какой-то день) по государеве грамоте из Поместного приказу и по наказной памяти воеводы по челобитью (такого-то или такой-то, иногда и без упоминания челобитья, такой-то) взяв с собою тутошних и сторонних людей, сколько человек пригоже (в такой-то уезд, стан и поместье) ездил, да в том по сыску своему переписал всякое угодые (следовало описание угодий с указанием их владельцев), да к тем усадищам по той же выписи с книг пашни паханые и перелогу и дикого поля и дубравы (столько-то) в поле, а в дву по тому ж по сыску своему и по выписи с писцовых книг (письма и меры такого-то) отказал (указывалось, кому, сколько и каких угодий), а пашня им пахать через загон, через десятину и сено косить и в леса въезжать и всяким угодыем владеть вопче с помещики, с детьми боярскими. А на отказе (с таким-то) были (перечислялись тутошные и сторонние люди), а отказные книги писал (приводилось имя писца).

Регламентированное этим формуляром, лексическое и фразеологическое наполнение книг отличалось, во-первых, значительным единством, во-вторых, редкостью диалектных вкраплений лексического

порядка и отсутствием фразеологических диалектизмов. И то и другое хорошо прослеживается в издании отказных книг¹¹.

Основной лексический состав и фразеологические средства отказов, за исключением редких диалектизмов, вроде слов *калевный* (32), возможно, в значении 'ягодный', *обанол* (24—25 и др.) 'около', *обед* (254—255) 'полуденная сторона', *полночь* (12) 'середина', *пуня* (208) 'хозяйственное строение' и др., оказываются не просто общерусскими, но в подавляющем большинстве вместе с тем и свойственными литературному языку того времени. О принадлежности данного круга слов и фразеологизмов к литературным свидетельствует и письменное их применение во всех областях России и, главное, постоянное употребление в распоряжениях центральной государственной власти, не говоря уже о законодательных актах. Заметим еще: употребление этих лексико-фразеологических средств связано с самыми актуальными сферами жизни общества, по преимуществу — с социальной и хозяйственной. Хотя упомянутые лексические элементы и представлены в указателе слов и издании, не лишне все же привести некоторые более употребительные из них: берег, болото, большой, бортный, боярский, брат, быть, вверх, вдова, веленье, великий, верх, взять, владеть, вниз, воевода, волость, вотчина, выпись, год, гора, грамота, грань, дать, дача, двор, дворовый, деревня, десятина, дети (боярские), дикый (в выражении *дикое поле*), длина, добрый 'хороший', дорога, дочь, дровяной, другой, дуб, дуброва, дьяк, дьячок, ездить, ехать, жена, жеребий, земля, измерить, книга, конец, копна, косить, крестьянин, крестьянский, левый, лес, лесок, лето 'год', ловля, луг, люди, межа, место, наказный, накрепко, написать, оклад, осьмина, отдать, отдел, отделить, отдельный, отец, отказ, отказать, отказный, отказчик, память 'деловая бумага', паханный, пахать, пашенный, пашня, перелог, переписать, писать, покос, поле, поместный, поместье, помещик, помещиков, поп, поперек, порости, приказ 'учреждение', приложить, припись, прихожанин, против, прямо, пустой, пустошь, река, речка, рубеж, рука, рыбный, село, сенной, сено, стан 'часть волости', староста, старый, стольник, сторона, сторонний, стоять, сыск, сыскивать, товарищ, тутошний, угодье, уезд, указ, урочище, челобитье, четверть 'поземельная мера'. В этот список не вошли такие употребительные слова, как *сын, государь, царев, человек*. Обычно передаваемые в скорописи сокращенно. Остальное лексическое наполнение отказов, если не считать редких диалектизмов, является общерусским и применительно к XVII в. в основном и литературным. Принимаем во внимание и те слова, которые ныне осознаются или как устарелые, или как не свойственные литературному языку — диалектные либо просторечные, а в XVII столетии относились к литературным, например такие: *губы* (36) 'грибы всякого рода'¹²,

¹¹ См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги.

¹² По диалектным данным нашего времени, слово *губы* в значении 'грибы всякого рода' связано почти исключительно с неюжновеликорусской территорией, а свидетельства его бытования на Юге представляются крайне редкими пережитками, см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7., С. 196—197.

кстати, исправленное из *грибы; селище, усада, усадище* и нек. др. Соотношение в издании отказных книг более или менее явных диалектизмов и слов общерусского значения, в основном литературных, выглядит так: на количество слов, помещенных в словоуказателе (около 1730), подобных лексических диалектизмов приходится около сотни, т.е. примерно 6%.

Фразеологизмы в отказных наперечет и по вышеуказанным признакам входят в разряд литературных. Таковы выражения: (*столько-то четей*) *в поле, а в дву по тому ж; государева служба служить*. Примеры их многочисленны.

Проявления известной регламентации в виде отдельных лексических постоянств наблюдаем уже в миниатюрных записях, которые составляют самую раннюю из южновеликорусских таможенных книг — елецкую явочную книгу 1615—1616 гг. Чтобы убедиться в этом, достаточно нескольких записей из нашего издания таможенных книг.

Ноября въ КЕ *дн* явились елецкия козаки Коза|ринова приказу Апухтина Оилка Кузмин|скаи Ивашка Синютин Рамашка Семнава | вина сворит по подставки для гедрваи службы

Таг же числа явился елецкаи козак Петрова приказу | Заицова Горасим Ершов виннаи браги затерть с по|ласминки родители поменут

Таг же числа явился елецкои козак Петрова прика|зу Заицева Якав Бочеров поласмины вина сво|рит к празнику къ Егоряву дни

Таг же числа явился Данилав крестьянин Чалаг | Сапронка Митроанав вина сварит с осмину | ко кстинам

Таг же числа явилис елецкия козаки Козарина|ва приказу Апухтина Проня Кузнец Кондраш|ка Ходав Ларкя Шерапав Ескя Алистрада|тав по подставки вина сворит для гедрваи службы

Ноября въ КС *дн* явился елецкаи козак Козаринава при|казу Апухтина Якав Свиридав снь Залататрубав | пуд меду поставит к Николину дни (49).

Яснее элементы регламентации выступают в книгах таможенных сборов с продававших и покулавших товары.

Ср. записи из книги пошлинным деньгам:

Геньворя въ ОI *де* авил калъ|жанин Пальня Оамин соли чаты|ре вosa да на падводе бочка селдеи | всяго с нево явки записки херно|ва поласавого два олтына ча|тыре денги да по ценъ пошлинь | со штидесят рѣблев с рѣбля по пяти | денег пяддесят олтын и всево вся|то пошлин явки записки хер|нова пяддесят два олтына чатыре денги

Таво ж числа явил калъжанин |Иван Понъкратав на двѣ подво|дах семь пѣд соли полтораства сте|рѣлдеи пят осетров пят юхтеи | каротышав всяго с нево явки | записки хернова поласавого | десет денег да по ценъ пошлинь | съ чатырнатцати рѣблев с рѣбля | по пяти денег десет олтын десет денег | и всево всяго пошлин явки са|писки хернова поласавого | тринатцот алтын две денги (197).

Из книги "лошадиной записки":

Маиа въ AI *де* курской стрелец Микита Крас|ников авил меринъ

гнѣд гѣбы белы звездачел грива направа с отметомъ шести лѣтъ | а продал московскому стрелцу десятнику И|вану Петровъ взял четыре рубля взято | с правовца с шерсти и записки два алты|на а с кѣпца з денег три алтыны две ден|ги с рѣбля па пети денег и всего взято | пошлинь пять алтынъ две денги

Маиа въ SI де курченинь Ѳедоса Ка|лошинова крестиянинъ Иванъ Красников | авил кабылу гнѣду грива направа с отме|томъ лѣвою нозря распорота семи лѣтъ | а продал курскому козаку Маисѣю Адоевцъ | взял два рѣбля взято с правовца с шер|сти и записки два алтына а с кѣпца | з денег палгривны с рѣбля па пети денег | и всего взято пошлинь три алтыны | четыре денги (223).

Лексическое наполнение таможенных книг, как и наполнение отказных книг, в своем основном составе — также общерусское и также, за вычетом немногих слов, не чуждо литературному языку. За пределами этого основного состава остаются иноязычные слова, поступавшие в русский обиход вместе с иноземными товарами и соответственными их мерами, наименованиями которых они служили (*аба* 'толстое и редкое белое сукно', *ансырь* 'мера веса', *калья* 'минеральная синяя краска', *килим* 'ковер', *коца* 'попона, ковер', *лантух* 'большой мешок', *литра* 'мера веса', *магерка* 'войлочная шапка', *панчохи* 'чулки', *сталь* и др.), и, кроме того, диалектизмы (*замашки* 'посконь', *извара* 'кадка', *лазбень* (знач. неясно), *махотка* 'кринка', *напол* 'полубочка', *поречная* 'пушной водяной зверек' и др.). Всего в издании таможенных книг южновеликорусского края находим примерно три десятка явных лексических диалектизмов, т. е. менее 2% от общего количества слов (1600), вошедших в словоуказатель.

Анализ словарного состава отказных и таможенных книг, приуроченных к Югу, показывает: и в тех и в других доминирует, во-первых, общерусское, во-вторых, в несколько меньшей степени, литературное начало.

Отмечаем отсутствие бесспорных диалектизмов в синтаксическом строении рассматриваемых книг. Употребление в них конструкций типа *земля пахать*, ныне относимых к диалектным — исключительно северновеликорусским, противоречит этому наблюдению: по данным наших исследований в прошлом указанные конструкции были свойственны и Югу, являлись общерусскими¹³. Изучение многих иных материалов южновеликорусской деловой письменности XVI—XVII вв. выявляет во всем ее составе ту же синтаксическую организацию, достаточно согласованную с общерусским синтаксисом¹⁴. Это свойство названной письменности было обусловлено и влиянием письменной культуры московских приказов, и не столь заметным расхождением синтаксиса южновеликорусского наречия с общерусским, нежели последнего с северновеликорусским. Являясь едва ли не общерусским, этот синтаксис в своем наиболее совершенном вы-

¹³ См.: Котков С.И. Конструкция типа "земля пахать" в истории южновеликорусских говоров // *Он же*. Конструкция типа "земля пахать" в свете южновеликорусских данных XVII в.

¹⁴ См.: Котков С.И., Попова З.Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986.

ражении (в практике опытных писцов) мог приобретать известную литературность. Литературность словарного состава южновеликорусской деловой письменности проявлялась в несколько меньшей степени.

Сближение в лексико-синтаксическом отношении южновеликорусской актовской и аналогичной московской письменности объясняем и более интенсивным в южновеликорусском наречии, в сравнении с северновеликорусским, процессом интеграции говоров в исследуемый период и тем, что южновеликорусское наречие в процессе становления национального языка играло более определяющую роль, нежели северновеликорусское. Заметим попутно: о более интенсивной интеграции южновеликорусских говоров, в сравнении с северновеликорусскими, говорит и отсутствие ныне на Юге отличного от *e* произношения гласного, передававшегося в прошлом буквой *ѣ*; в XVI—XVII вв. в положении под ударением такое произношение еще прослеживалось¹⁵. Имеются, далее, сведения об утрате в южновеликорусской области некоторых лексических элементов, отмечаемых ныне только на Севере или почти исключительно на Севере¹⁶.

Приобретение местной деловой письменностью известной литературности связано не только и не столько с влиянием церковной книжности, сколько с более сильным влиянием московской приказной письменности. Литературность ее языка определялась уже тем обстоятельством, что он применялся в законодательстве (Судебник 1550 г., Уложение 1649 г.), в огромной государственной переписке, распространялся по всей территории России. В условиях централизованного государства, когда все, писанное в столице и направляемое во все концы страны, обладало непререкаемым авторитетом, этого было уже достаточно для признания его образцовым, иначе говоря, литературным. Значение языка московских приказов, формировавшегося вместе с московским койне и в немалой мере с его участием, было исключительно велико: язык столичной приказной письменности и, шире, всей деловой письменности, образцом для которой он являлся, обслуживал все управление страной, ее социально-экономическую жизнедеятельность, а также военную организацию и иные потребности общества вплоть до перевода с других языков разнообразной светской литературы; значение церковнославянского языка было более ограниченным, поскольку сводилось в основном к удовлетворению потребностей религиозного культа и, частью, художественной литературы.

Сопоставление именно в данном плане языка русской деловой письменности и церковнославянского языка вызвано тем, что в зарубежной литературе и в отдельных отечественных изданиях еще имеют хождение концепции, согласно которым у русского народа вплоть до XVIII в. своего литературного языка не было и в качестве литературного языка употреблялся только церковнославян-

¹⁵ См.: *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 35—52.

¹⁶ *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVII веков. С. 43—44, 63—65, 93 и др.

ский. Вот одно из последних суждений подобного рода: "История русского литературного языка до XVIII в. — это история русско-церковнославянского языка, т.е. церковнославянского языка русской редакции (русского извода)"¹⁷. Отвергая подобную трактовку истории русского литературного языка, мы вместе с тем считаем верным попутное суждение ее автора, которое в известной мере перекликается с нашим представлением о становлении литературности в старинной русской деловой письменности, о процессе ее кодификации. Имеем в виду такое высказывание: "Существенно, что нормы церковнославянского языка определялись не столько нормативными грамматическими описаниями (описания такого рода появляются вообще относительно поздно), сколько наличием, так сказать, образцовых текстов, написанных на этом языке, а именно текстов св. Писания и богослужебных книг, которые в той или иной степени заучивались наизусть (эволюция языка этих текстов и осуществлялась именно в процессе книжной sprawy). Такого рода тексты выполняли эталонную роль, задавая образцы языкового употребления и тем самым моделируя языковую деятельность"¹⁸.

Итак, язык деловой письменности и язык церковнославянской книжности, понятно, каждый особым образом, кодифицировались в принципе узуально. Литературные нормы в деловой письменности (в наиболее распространенной и влиятельной актовой, а также хроникальной и в меньшей мере в эпистолярной) складывались задолго до появления словарей и грамматик русского языка. Кодификация их осуществлялась главным образом в строго выработанных произведениях московской приказной письменности, о чем свидетельствует, между прочим, применение в писцовом обиходе так называемых образцов деловых бумаг и писем. В условиях централизованного государства московское, столичное происхождение таких официальных произведений, как судебники, уложения, указы, грамоты и т.п., при довольно строгом их редактировании, было вполне кодифицирующим. И это правомерно: истоки языковой нормализации и венчавшей ее кодификации в отечественной деловой письменности восходят к древнерусской эпохе: "Акад. И.И. Срезневский называет следующие памятники русского литературного языка X в.: а) договор Олега с греками, б) договор Игоря с греками, в) обязательная грамота Святослава, г) Поучение и Слово философа, д) "Символ веры", е) Десятинная грамота князя Владимира, ж) сборник установлений князя Владимира"¹⁹.

Примечательны в этом плане и результаты исследования древних текстов, писанных на бересте, особенно писем-грамоток, обычно без всяких на то оснований именуемых грамотами. Хотя характер эпистолярных источников (в частности предназначенность их для узко-

¹⁷ Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середины XVIII в.). М., 1973. С. 24.

го семейного или дружеского круга людей, предполагающая более или менее вольное отношение к нормативности письма) и не благоприятствовал соблюдению в них литературных норм, по наблюдению А.А. Зализняка, изучавшего эти источники, "не подтвердилось представление о берестяных грамотах как малограмотных (в своей массе) документах. В действительности они, за немногими исключениями, вполне грамотны с точки зрения графико-орфографической системы, которой пользовался пишущий: в целом вполне строги также синтаксис и орфография грамот. Соответственно при анализе берестяных грамот оказывается необходимым тот же "уважительный" подход к тексту, что и для памятников книжной письменности..."²⁰ "Берестяные грамоты показывают, — пишет далее А.А. Зализняк, — что существовала особая, "бытовая" графическая традиция, отличная от книжной"²¹. Вывод этот особенно интересен в свете следующего замечания: "Берестяные грамоты дают бесценный материал для изучения древненовгородского диалекта XI—XV вв. При этом наибольшую ценность представляют бытовые грамоты (прежде всего частные письма). Они образуют уникальный класс лингвистических источников... ни пергаменные грамоты, ни прямая речь персонажей в летописях не отражают живую разговорную речь столь непосредственно, как бытовые берестяные грамоты"²².

Если даже бытовым грамотам, точнее грамоткам, непосредственно отражавшим живую речь, по признанию исследователя, была свойственна "особая графическая традиция", то в наличии соответственной нормативной традиции в актовых и хроникальных текстах того далекого времени нет оснований сомневаться. Традиция подобного рода вместе с формулярной, а также терминологической и фразеологической регламентацией служила необходимой предпосылкой мирования литературных норм в письменности делового содержания.

Для нормализации языка деловой письменности в периферийных условиях не меньшее значение, чем образцы, письмовники и азбуки-прописи, имела ориентация местных писцов непосредственно на деловые бумаги, исходившие из московских приказов, чему особенно благоприятствовало следующее обстоятельство: в любом ответном документе на распоряжение из Москвы полагалось самым тщательным образом воспроизвести сначала это распоряжение, а затем сообщать о его исполнении. В процессе такого старательного едва ли не ежедневного переписывания образцовых для них московских бумаг периферийные писцы, составляя воеводские отписки, в той или иной мере усваивали орфографические и языковые нормы столичной деловой письменности.

Обитатели периферии располагали и "домовными" текстами, которые знакомили их с литературными нормами деловой письмен-

²⁰ Янин В. Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986. С. 217.

²¹ Там же.

²² Там же.

ности. Например, Уложение, списанное в 1676 г., сопровождается такой владельческой записью: "Сия книга ливенского обывателя Егора Иванова сына Мишина домовная"²³. Круг домовных текстов не ограничивался произведениями деловой письменности. "У посадского человека г. Устюжны, — сообщает Г.В. Судаков, — были сочинения Пересветова, вологжанин Аврам Корнилов имел поэтическую повесть об азовском осадном сидении, в 1617 году сочинения Пересветова приобрел вологжанин Козманов, Сборник со сказанием "Како Кирилл составил азбуку" принадлежал торговому человеку Верховажского посада Илье Павловичу Юринскому, книга "Зерцало" переходила по наследству в семье крестьянина Спасо-Прилуцкого монастыря Масленникова, Хронограф был собственностью Кирила Борисова — дьяка вологодского архиепископа"²⁴. Словом Григория Богослова с толкованиями владетельскими крестьянина села Лыскова Семена Ивановича Гомзиков²⁵. Проведенные в последние десятилетия археографические исследования, особенно обследования русского Севера, убедительно показывают, какие значительные скопления разного рода домовых рукописей, в том числе и делового содержания, обращались в периферийной среде и какое значение имело это для местной деловой письменности с точки зрения развития в ней элементов литературы.

Церковнославянская книжность функционировала в сравнительно узкой среде, обслуживая главным образом сферу религиозного культа, а деловая письменность обслуживала огромные массы населения, всю государственную деятельность и, за вычетом религиозных, все потребности общества. К тому же церковнославянская книжность, как издревле сложившаяся и каноническая, не обнаруживала заметного развития, а деловая интенсивно развивалась, не отставая от общественного развития. Уже в силу этого литературные нормы, формировавшиеся в недрах деловой письменности, оказывались более употребительными и поэтому более действенными, нежели запечатленные в церковной книжности. Исследуя соотношение русского и церковнославянского начал в истории лингвистической культуры русских, нельзя не принимать во внимание и следующее: основная функция языка церковнославянской книжности была монологической — выражалась в форме безответного общения православного населения с духовенством, исполнявшим богослужебный обряд на церковнославянском языке, или в форме непосредственного общения определенного контингента грамотеев с церковнославянской книжностью; основная же функция деловой письменности была диалогической — вслед за обращением к адресату обыкновенно следовал ответ, исключением из этого обычновения являлась лишь хроникальная разновидность произведений деловой письменности. Если

²³ *Евсеев И.Е.* Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах // Сборник Орловского церковно-археологического комитета. Орел, 1905. Т. I. С. 84.

²⁴ *Судаков Г.В.* Как учились грамоте в XVII веке // Рус. речь, 1971. № 5. С. 127—128.

²⁵ *Лукьянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. III. С. 17.

язык деловой письменности выступал, помимо диалогической, и в монологической форме, то язык церковной книжности, функционировавший монологически, в коммуникативной форме диалога обычно не выступал. Все изложенные выше причины возобладания языка деловой письменности в развитии русской национальной общности и ее литературного языка имели несомненно большое значение, однако главным в этом процессе явилось все же функционирование наиболее совершенно нормализованного московского варианта деловой письменности в качестве государственного эталона. Говоря о последнем, имеем в виду его применение и в Москве и в практике периферийных писцов более или менее высокой выучки. Отвергая признание нелитературной всей деловой письменности и значит ее языка, мы тем не менее полагаем: целиком, во всем своем составе в сферу литературного языка она входить не могла.

Укрепление централизованного государства сопровождалось значительным развитием письменной связи московских властей с огромной российской периферией, а развитие этой письменной связи способствовало дальнейшей централизации. Прежде всего именно этим обусловлено было формирование внушительного состава писцов-профессионалов во всех областях России, в особенности в ее центральных, а также южных уездах. Управление последними как оборонными особенно жестко осуществлялось важнейшими московскими приказами — Разрядным и Поместным и проявлялось в интенсивной переписке. На русском Севере, в его особых социально-экономических условиях (крупное монастырское хозяйство, лично свободное крестьянство), в образовании местного состава писцов сыграли некоторую роль и внутриуездные потребности в оформлении тех или иных дел, в хозяйственном учете и переписывании книг.

В XVII в. периферия располагала в общем достаточным контингентом писцов-профессионалов — церковных и земских дьячков и подъячих, а также непрофессионалов. Уездные подъячие иногда привлекались и к ведению московских приказных дел. В 1658 г. ярославский воевода писал: велено ярославские приказные избы подъячих Ивана Казакова да с ним подъячих же лутчихъ и прожиточных людей трех человекъвъ которымъ твое великого гедря приказное дѣло са обычаи выслат к Москве за порьками к указномъ срокъ (ЦГАДА, ф. 210, Новг. стлб. 171, л. 12). Приезжая в Москву из уездов, военнослужилые и торговые люди постоянно имели дело с московской писцовой братией, а писцы московских приказов направлялись в уезды для составления писцовых, дозорных и переписных книг, а также для иных надобностей. Письменное и непосредственное общение грамотеев Москвы и периферии благоприятствовало распространению по всей стране московского писцового опыта — от составления документов до орфографических норм. Благоприятствовала распространению этого опыта и правительственная регламентация, которая, в частности, касалась составления деловых бумаг и этикетного обращения к царю. Вот один из примеров такой регламентации, впрочем, не XVII в., а 1702 г.: указали мы великий гедрь<...> всякого чину людем писат в челобитныхъ ншъ гедрскую честь новым

изложением, в началѣ, державнѣишии црь гсдрь млстивѣишии потом писат дѣло а перед прошением вмѣсто млсрдаго всемлстивѣишии гсдрь прошь вшего величества, и потом прошение а по прошеніи совершат вшего величества нижаишии раб і под тѣм писать челобитчиком имяна свои с прозваниями и мсць и число и год а по прежнему обыкновению в челобитных ншего гсдрского именованія и титуль не писат, и какъ к тебѣ сна нша великого гсдря грамота придетъ и ты б о том ншь великого гсдря указ вѣдал и во Мценску в приказной избѣ велѣл записат в книгѣ а у приказной избы и у грацких ворот для вѣдома всяких чинов людем прибит писма (ЦГАДА, ф. 210, Дополн. отд., стлб. 26, стлп. 6, л. 245). Если подобная регламентация и не имела собственно лингвистического значения, то все же ориентировала писцов на столичное оформление деловых бумаг и общий строй их изложения.

Москва рассылала в местные учреждения для руководства во всяких делах экземпляры печатного Уложения 1649 г., в котором писцы периферии видели образцы государственного языка. Так, в 1650 г. путивльскій воевода писал: <...> приносят в съезжею избу челобитные путивльцы всяких чинов служилые и жилѣтцкие люди чтоб ты гсдрь пожаловал велѣл имь въ ихъ исках и во всяких обидах нам холопом своим сыскъ и росправа учинит по своему гсдрву указу и по соборному уложению а иные на судех ссылаютца на тот твои гсдрвь ѡказ и на соборную уложоную книгу. А в Путивль гсдрь к намъ холопом твоим твоеи гсдрвы уложонои книги против чего сыскъ и росправа в каких делѣхъ всякимъ людем чинит по се время с Москвы не прислано. На об. листа помета: Гсдрь ѡказ[а]л п[о]слат кнгу уложен[у]ю взят во дворцѣ (ЦГАДА, ф. 210, Новг. стлб. 91, л. 283—283 об.).

Москва вникала и в такие частности уездного писцового обихода, как снабжение приказных изб бумагой, не упуская из виду и ее экономного использования. В 1643 г. яблоновскій воевода сообщал: <...> прислано гсдрь с Москвы из Розрядъ въ Яблонов пят стопъ бумаг[и]<...> а велено гсдрь мнѣ холопъ твоемъ тое бумагъ держат въ Яблонове и на Короче а писцом гсдрь велено прикасат чтоб писали ѡписисто а не розметисто и поля б оставливали не велики и по твоемъ гсдрвь црвь и великого князя Михаила Федоровича всеа Рьсиі ѡказу я холоп твои тое бумаги послал на Корочю однъ стопъ а въ Яблонове гсдрь оставил четыре стопы а писцом гсдрь приказал чтоб писали ѡписисто а не розметисто и поля б оставливали не велики и оприч твоихъ гсдрвых дѣл никаких иных дѣл писат не велѣл а свдные гсдрь дѣла пишѣт все на исцовых бумагах а нне гсдрь въ Яблонове бумаги нѣт писат нѣ на чем а въ Яблонове гсдрь в торгѣ бумаги нѣт кыпит негде а твоих гсдрвых дѣл писат нѣ на чемъ (ЦГАДА, ф. 210, Бел. стлб. 158, л. 292).

Помимо постоянной связи с Москвой, в развитии периферийной деловой письменности сыграли существенную роль и подготовка местных грамотеев прежде всего по азбукам-прописям, и формирование местных писцовых "династий", и участие в местной писцовой деятельности, кроме писцов-профессионалов, значительной массы непрофессионалов.

Изучение русских скорописных текстов XVI—XVII вв., в большинстве своем делового содержания, достаточно ясно показывает: следов обучения писцов по церковнославянским грамматикам, псалтыри и часослову в них не обнаруживаем. Например, бросается в глаза отсутствие в написанных ими текстах знаков ударения и препинания, обильно представленных в грамматиках и привлекавшихся в виде пособий для чтения псалтыри и часослова. А заведомо церковнославянские слова и грамматические элементы в означенных скорописных текстах выступают редкими вкраплениями, в основном этикетного и стилистического свойства. В то же время все более и более выявляются такие возможности обучения скорописцев данной эпохи, как обучение по азбукам-прописям, образцам деловых бумаг и писем, наконец, в процессе воспроизведения многочисленных московских указов в отписках — ответах на эти указы управлявших уездами властей. И слог грамотеев-скарописцев и их правописные навыки не подтверждают того, что "обучение грамоте в XVII в. происходило по церковнославянским книгам"²⁶. Нет, не только по этим книгам и не в первую очередь по ним. Даже в наставлении к псалтыри, изданной в Москве в 1645 г., азбуке, понимаемой в широком смысле слова, придается особое значение: "Подобаеть убо вамъ о учительѣ вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ письменемъ, первое бо въ началѣ буквамъ сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтыри, и прочія божественныя книги; и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука чисто и прямо по существу, како которое слово рѣчию зовется, и неспѣшно"²⁷. Повторяя традиционное мнение о характере обучения в средние века, исследователь новгородских берестяных грамот А.В. Арциховский писал, что оно "носило церковный характер", а В.В. Виноградов в берестяных грамотах мальчика Онфима, с одной стороны, усматривал свидетельство того, что обучение письму в Новгороде "происходило посредством церковнославянской азбуки и церковных книг", а с другой, как будто сближал эти грамоты с азбуками-прописями более позднего времени: "Здесь записи азбуки, складов, рисунки, подписи под ними и заметки о себе, искаженные отрывки церковных песнопений и молитв"²⁸.

Итак, помимо церковных книг, простейшие пособия по овладению грамотой в виде азбук с образцами текстов применялись уже в раннюю эпоху восточнославянской письменности. Книги были дороги, а изготовление (переписывание) такого рода берестяных, позднее и бумажных пособий было доступно всем грамотеям. Естественно, грамотные люди, не отдавая детей в обучение попам или каким-то иным мастерам, как тогда называли учителей, учили их грамоте дома при помощи азбук-прописей. Обучали прежде всего скорописи: в XV—

²⁶ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 49.

²⁷ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 72.

²⁸ Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 79.

XVII вв. в центральном и местном управлении, в торговле, военной и хозяйственной деятельности, в том числе и в хозяйственном обиходе церковей и монастырей, — всюду пользовались скорописью, а не обычным в церковной книжности уставным и полууставным письмом. Особое отношение к скорописи характеризуют следующие факты: "В жилых записях (договорах) об обучении мастерами учеников ремесленному и торговому делу встречаются пункты, согласно которым в программу учения входит "скорописное письмо"²⁹.

Результаты обучения грамоте по одним церковным книгам иногда оказывались довольно скромными: так, среди многочисленных приложений рук, как правило, скорописных, оставленных церковнослужителями в различных деловых бумагах, мелькают и такие записи: к сей скаски ливенець Ивашка Демьяновъ вмѣсто егорьевскаго попа Ѳедора, потому что онъ самъ не пишетъ, по ево велению руку приложилъ; к сей скаски ливенець Сидорка Клущинъ вмѣсто богоявленскаго попа Стевана, потому что онъ самъ писать не умѣетъ, по ево велению руку приложилъ; к сей скаске пятницкой дьячокъ Максимка Поповъ вмѣсто попа Костентина, что онъ писать не умѣетъ, по ево велѣнью руку приложилъ; к сем отказным книгам<...>поп Ѳедар в николско-го попа места Ѳедасея и в прихожен его места которыя были в понѣтых на отказе а он поп нѣ пишет по их велѣнью руку приложил³⁰.

В процессе домашнего обучения грамоте, особенно столь необходимой скорописи, умение читать, иногда подкрепляемое чтением церковных книг, а также умение бегло писать передавалось из поколения в поколение, профессия писца превращалась в наследственную, возникали писцовые "династии". Они прослеживаются, например, в курских отказных книгах. Воспользуемся опубликованными нами данными. В 30—40-е годы XVII в. в ряду писцов названных книг выступает Наумка Кобатов, вначале как губной, затем как площадной дьячок, именуемый в дальнейшем уже площадным подьячим. В 30-е годы в качестве писца выступает и Васька Наумов сын Кобатов, а вслед за ним и Федька Кобатов, площадной, а потом — стрелецкий и казачий дьячок. В 40-е годы в этих книгах пишет Ивашка Гурьев сын Протопопов, площадной подьячий, а кроме того, площадной подьячий Васька Иванов сын Протопопов. В свете подобных фактов заметное число писцов-однофамильцев перестает казаться случайностью. Вероятно, "династия" представлена в книгах в лице подьячих Павлина и Федьки Истоминых, а кроме того, писцов Нехорошки, Первушки и Васьки Истоминых. Назовем еще таких писцов, как Федька и Кондрашка Григорьевы, Василий и Кленка Толмачевы³¹.

Появление многочисленных писцовых "династий", особенно писцов-профессионалов, было связано главным образом с развитием домашнего обучения грамоте в военнослужилой и посадской среде, в основном обитавшей в срединной части и в пределах Юга Русского

²⁹ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 295—296.

³⁰ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. С. 112.

³¹ См.: Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии... С. 24—25.

государства, и в некоторых крестьянских семьях, преимущественно на Севере, в кругу его черносошного, лично свободного крестьянства. Внушительный состав профессиональных писцов — церковных и земских дьячков и подьячих, которыми располагала периферия, дополнялся не меньшим, если не большим составом писцов-непрофессионалов. Поддержание единства письменной традиции в условиях огромной русской периферии постоянным корректирующим воздействием на локальную письменность московских норм, представленных в распоряжении центральных властей, было достаточно устойчивым. Так, "московский государственный язык", в основном сложившийся на народной почве, в значительной мере определял лингвистическое состояние всей России. Напомним высказывание об этом языке В.В. Виноградова: "Особенного внимания заслуживает процесс формирования московского государственного языка XVI—XVII вв., в состав которого более широкой и мощной стихией вошла устно-разговорная, народная речь, чем традиция древнего славяно-книжного языка"³². Исследуя становление литературности в недрах деловой письменности и соответственно ее языка, это обстоятельство нельзя не учитывать. Генетически указанная литературность являлась в основном своим составе не заимствованием из славяно-книжного языка, а продуктом самостоятельного развития языка деловой письменности. Поэтому усматривать ее кодификацию, например, в церковнославянских грамматиках явно неправомерно.

Об уровне грамотности писавших различные деловые тексты и степени литературности последних свидетельствуют и число грамотеев, под пером которых они возникали, и тех, от имени кого писали, затем социальное, сословное и должностное положение этих лиц, и далее, что особенно важно, их правописные и формулярные навыки, а кроме того, начитанность, причем не столько в церковной книжности, сколько в актовом, хроникальном и эпистолярном письме.

Состояние в XVII столетии московского и периферийного контингентов писцов раскрывают некоторые конкретные данные.

"О степени распространения грамотности, — писал Л.В. Черепнин, — можно судить по рукоприкладствам (подписям) к различным актам. Так, к подлинному списку Соборного Уложения 1649 г. приложили руку 315 человек (представители духовенства, бояре, дворяне, посадские люди и т.д.). Однако за многих членов Земского собора в силу их неграмотности расписались другие лица.

О грамотности среди посадского населения свидетельствуют следующие данные. Во время выборов бургомистров в Москве в 1699 г. из 18 участвовавших в этих выборах гостей лично расписались 15 человек, из 100 тяглецов гостиной сотни — 91 человек, из 41 тяглеца Кадашевской слободы — 27 человек (63 %), из 30 человек Мещанской слободы — 14 (47%).

В жилых записях (договорах) об обучении мастерами учеников ремесленному и торговому делу встречаются пункты, согласно кото-

³² Виноградов В.В. История русского литературного языка. С. 210.

рым в программу учения входит "скорописное письмо". Во время восстания 1662 г. в Москве по городу были расклеены рукописные прокламации (одна из них на двух столбцах)"³³.

Эти разрозненные факты дают некоторое представление о распространении грамотности на Руси в XVII столетии, но по ним затруднительно судить о масштабах этого распространения и совершенно невозможно — о степени, уровне усвоения грамоты среди умевших читать и писать, поскольку означенное усвоение выражалось не только в их графических, а также правописных навыках, но и во владении слогом — вполне осознанном употреблении определенных лексико-грамматических средств. Заметим, кстати: предельно краткие и довольно стандартные приложения рук об уровне грамотности писавших мало что говорят. Выяснение степени усвоения грамоты возможно лишь в процессе исследования достаточно пространственных текстов, особенно непосредственно рукописей или их лингвистических изданий, при этом текстов, соотносимых с более или менее однородным лингвистическим образованием — с литературным языком или народно-разговорным, городским койне или местным говором и т.д.

Насколько важно привлечение текстов, соотносимых с более или менее однородным лингвистическим образованием, показывает хотя бы такое сравнение: правильная передача на письме фонемы *о* в безударном положении писцом-южновеликорусом, особенно в тех нередких случаях, когда правильность данного написания не может быть проверена произношением фонемы в подударном положении, свидетельствует о высокой выучке писца, о высокой степени усвоения грамоты; правильная передача фонемы *о* в аналогичных безударных положениях писцом-северновеликорусом не свидетельствует о степени усвоения грамоты, так как в этих положениях северновеликорусская произносительная норма согласуется с правописной. Ср. еще: в южновеликорусской области написание буквы *о* в *трова* свидетельствует о недостаточной грамотности писца и, поскольку на Юге говорят *трава*, не представляет непосредственно соответственного факта языка, служит лишь опосредствованным указанием на него, является перестраховочным написанием, которое вызвано опасением писца погрешить против написания *о* и там, где правильным письмом оно не предусмотрено; напротив, в некоторых говорах северновеликорусской области в написании *трова* (а не *трава*) получает непосредственное отражение соответственный языковой факт — в говорах слышится *трова*.

Исследуя фонетику по памятникам письменности, обыкновенно полагают: "... наибольшее значение для исторической фонетики имеют отступления от исторически более или менее четко установившихся правил правописания"³⁴. Иногда ориентированные в этом направлении историки русского языка сводят историко-фонетические ис-

³³ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 295—296.

³⁴ Аванесов Р.И. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 79.

следования к анализу только таких отступлений. Подобное ограничение возможностей исследования по меньшей мере неосмотрительно. Уже в силу того что в старинной письменности действовали исторически более или менее четко установившиеся правила правописания, которые, в принципе, служили правильной передаче фонем, нельзя изучение исторической фонетики основывать преимущественно или исключительно на отступлениях от правописания. Базой фонетических и иных наблюдений должны быть и правильные написания.

Среди отступлений от правил правописания особое место занимают те, в которые вслед за их написанием сами писцы вносили исправления, в соответствии с узуальными нормами письма, формо- и словоупотребления. Большое значение таких исправлений для познания истории языка заключается в том, что они раскрывают процесс усвоения не только грамоты как умения читать и писать, но и элементов литературности, понимаемой в более широком смысле. Сравнение указанных отступлений и их последующих исправлений проясняет отдельные моменты развития русского языка, его исторической динамики. К сожалению, в прежних изданиях памятников XVI—XVII вв., подготовленных нелингвистами, в упомянутых случаях обычно фиксируется лишь результат, а не процесс исправления. В свое время мы отмечали, что вследствие этого явление, сущность которого обнаруживается в колебании между первоначальным и исправленным написанием, остается исследователю неизвестным. А ведь именно эти колебания, особенно в пределах одного почерка, под пером одного писца, в значительной степени раскрывают эволюцию языка в его отдаленном прошлом, зарождение в нем определенных тенденций и становление определенных норм. Исполненные одним и тем же почерком отступления от правильного письма и затем их исправления, характеризуя один говор, одно лингвистическое образование, оптимально вскрывают изменения в нем; отступления, сделанные одними писцами, а их исправления — другими, не всегда открывают такие возможности, поскольку могут выражать не только известную вариативность внутри лингвистического образования (если авторы почерков — равно его представители), но и различия между лингвистическими образованиями (если авторы почерков представляют разные лингвистические образования). Исследуя язык старинной письменности, с характерной для многих ее произведений писцовой анонимностью, необходимо считаться с этим обстоятельством³⁵.

В зависимости от фонетического окружения и положения по отношению к ударению звуковые реализации русских фонем могут существенно видоизменяться. Именно вследствие этого в процессе исторического развития узуального русского правописания в нем возобладавал морфологический принцип, называемый ныне и фонематическим, суть которого заключается в том, что фонема во всех ее видоизменениях в русском правильном письме передается одной буквой. В этих условиях исправления, ориентированные на правильное

³⁵См.: Котков С.И. Об изучении русской фонетики по памятникам письменности // Вопросы филологии. К семидесятилетию... проф. А.Н. Стеценко. М., 1974. С. 108.

письмо, применительно к сильным позициям фонем в равной мере являются фонетическими и орфографическими, а в применении к слабым их позициям — только орфографическими.

Рассмотрим с учетом данного различия исправления в вестях-курантах первой половины XVII в. Составлялись они в Посольском приказе и содержали зарубежные известия военного и политического характера, сообщения о состоянии экономики, в особенности торговли, и некоторые иные известия, например, о целебных источниках и необыкновенных явлениях природы. Составляли эти информационные сводки приказные писцы-переводчики. Помимо составления вестей-курантов, они участвовали в международной переписке и занимались переводом иностранных книг. Особо ответственный характер составлявшей вестей-куранты информации и особые этикетные условия, в которых она читалась царю и его ближайшему окружению, предопределяли ее письменное изложение в полном соответствии с литературными нормами московского государственного языка, вернее, его публицистической разновидности.

О влиятельном воздействии литературных норм (имеем в виду правописные) свидетельствуют, в частности, исправления, внесенные в тексты вестей-курантов первых лет XVII в. Составляли указанные вестей-куранты, по всей вероятности, писцы-переводчики, приглашенные с Юго-Запада восточнославянской территории, которые были более знакомы с западноевропейскими языками, нежели прочие восточные славяне. В то же время эти писцы-переводчики под влиянием родного произношения допускали написания *и* вместо *ы*, а также *ы* вместо *и*, отклонения в сторону соканья, которые выражались, например, в написании *ж* вместо *з* и *з* вместо *ж*³⁶. Переводя иностранные сообщения, они, в меру своей осведомленности в московском письме и произношении, вносили в них необходимые исправления. Затем к просмотру этих материалов приступали правщики-редакторы и тоже вносили свои исправления, которые обыкновенно отличались от первых в отношении почерка и цвета чернил, почему и представляется возможным изучать исправления писцов-переводчиков отдельно от тех, которые вносились правщиками-редакторами. Приведем по изданию вестей-курантов³⁷ сначала такие исправления этих ранних "курантельщиков", которые имели и фонетическое и правописное значение, сообщая в каждом случае и о первоначальном ошибочном написании.

Исправления *и* на *ы*, и напротив, *ы* на *и*:

иных (29) — *ы* написано по *и*; именованные (29) — *ы* написано над *и*; которые (30) — *ы* написано по *и*; выгнали (30) — *ы* написано по *и*; послы (32) — *ы* написано по *и*; иные (33) — *ы* написано по *и*; сказывають (34) — *ы* написано над зачеркнутым *и*; торговые (34) — *ы* на-

³⁶Перечисляя восточнославянские местности, где "представлен результат изменения в рядах шипящих и свистящих согласных", А.М. Селищев начинает с Юго-Запада восточнославянской территории: "Такие местности находятся на украинско-белорусском западе..." (Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 594).

³⁷Вести-Куранты. 1600—1639 гг.

писаное по *и*; побили (29) — первое *и* написано по *ы*; прибавати (30) — второе *и* написано по *ы*; радѣти (31) — *и* написано по *ы*; были (35) — *и* написано по *ы*; у них (35) — *и* написано по *ы*.

Эти исправления встречаем только в трех наиболее ранних текстах вестей-курантов, составленных в 1600, 1617 и в начале 1620 г. Заметим: все приведенные исправления принадлежат самим писцам-переводчикам, а не правщикам-редакторам, поскольку изменений почерка или цвета чернил в них не наблюдаем.

Устранялись и отражения шоканья и соканья: грозить (30) — *зи* написано над зачеркнутым *жи*; скасали (32) — *са* написано над зачеркнутым *жа*; сказывають (34) — *зы* написано над зачеркнутым *жи*; засажены (33) — *же* написано над зачеркнутым *зо*; сѣзжаються (35) — *жа* написано над зачеркнутым *за*. Смешению шипящих и свистящих сопутствовало смешение аффрикат, в образовании которых они участвовали. Следы смешения аффрикат также устранялись: рыцерский (30) — *цер* написано над зачеркнутым *чер*; тысечи (30) — *ци* написано над зачеркнутым *чи*; рыцерских (31) — *це* написано над зачеркнутым *че*; жеч, меч (32) — *ч* написано над зачеркнутым *ць*; тысеч (33, 34) — *ч* написано над зачеркнутым *ць*.

Для более поздних вестей-курантов написания *и* вместо *ы* и наоборот, а также следы шоканья и соканья, можно сказать, не характерны. По-видимому, с начала 20-х годов XVII столетия прежде всего в Посольском приказе, а затем и в иных московских приказах сложился вполне достаточный контингент своих переводчиков и потребность в приглашении их с Юго-Запада отпала. В начале 40-х годов переводы зарубежных известий осуществлялись уже и в других городах, например в Архангельске, Пскове и Новгороде³⁸.

В письме выходцев с Юго-Запада буква *ѣ* в подударном положении употреблялась более или менее выдержанно. Объяснение этому находим в природе соответственной фонемы, употреблявшейся в московском койне XVII в. В московском койне эта фонема в нередуцированном состоянии выступала в виде гласного несколько более суженного, нежели гласный *э*; что касается безударных положений, то в них ее произношение совпадало с произношением *э*³⁹. Так как в украинском языке в соответствии с фонемой, обозначаемой у русских буквой *ѣ*, наличествует фонема *і*, в восприятии выходцев с Юго-Запада рассматриваемая московская фонема в положении под ударением представлялась отличной от *э*. Отмечая правописное значение, нельзя с уверенностью говорить о фонетическом значении исправлений: в вѣстех (23) — *ѣ* написано по *е*; в... мѣстах (31) — *ѣ* написано по *е*. Может быть, в отличие от современного окончательного, в то время в данных падежных формах ударение было на корне? Так, исправленному в вѣстех несколькими строками выше предшествует правильно написанное в вѣстех (23).

³⁸См.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. С. 7; Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. С. 7; Вести-Куранты. 1648—1650 гг. С. 5.

³⁹См.: Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 157 (сокращение МР).

В условиях совпадения фонем, этимологически передаваемых буквами *ѣ* и *е* в безударном положении, исправление *е* на *ѣ* могло быть только правописным, лишенным фонетического значения. У писцов-переводчиков с Юго-Запада таких исправлений не встречаем. Пишут: в городе в Папе (21), стрелцы (21), з детми (21), вестей (21), ы реки (21), на море (22), двенадцати (22), встречали (22), бежалъ (23), в городе (23), накрепко (23), за рекою (23), воеводе (23) и т.д.

Общая картина передачи фонемы, изображаемой буквой *ѣ*, у данных переводчиков такова: в подударном положении обыкновенно пишут *ѣ*, в безударном обычно — *е*. Исключений из этого немного. Выходит, такая передача фонемы воспринималась ими как нормативная. Тем более нормативной признавали ее коренные москвичи.

Исследуя становление литературных норм в деловой письменности XVII в. в ее отдельных разновидностях, мы принимаем во внимание назначение каждой разновидности, затем — специфику обусловленного этим назначением ее содержания и, кроме того, условия, в которых разновидность функционировала. Мы не случайно обратились прежде всего к хроникальным текстам, к такой их ветви, как вестикуранты. И назначение вестей-курантов и особые свойства этих текстов — их общественная злободневность, публицистичность и тематическое разнообразие, в условиях которых развитие языка, а следовательно, и его литературных норм протекает особенно интенсивно, большое государственное значение заключенной в них информации, построение их в соответствии с определенной формулярной традицией и, наконец, о чем говорилось ранее, оглашение их царю и боярам в этикетной дворцовой ситуации — естественно, требовали от писцов-переводчиков и редакторов вестей-курантов не просто писцовой опытности, но и литературности изложения*.

*Работа не была завершена при жизни автора.